

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066

Фиктивные субъекты права как результат нормативного конструирования: историко-теоретический анализ

Костин Илья Александрович

Аспирант,

ЧОУ ВО «Юридический институт»

199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Гаванская улица, 3;

e-mail: kostin_ia@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена историко-теоретическому анализу правовой фикции как способа формирования субъектности в праве. Цель исследования состоит в выявлении трансформации функций правовой фикции и определении её значения в современном правопорядке. Обосновывается, что правовая фикция выступает не только приёмом юридической техники, но и средством нормативного конструирования субъектов права. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволившие проследить развитие представлений о субъекте права в различные исторические периоды. В статье рассматриваются римская конструкция *fictionis iuris*, средневековая доктрина *persona ficta*, а также основные подходы к пониманию юридического лица, сформулированные Ф.К. фон Савиньи, Р. фон Иерингом и О. фон Гирке. Сделан вывод о том, что развитие правовой фикции сопровождалось переходом от изменения юридического статуса лица к созданию самостоятельных нормативных конструкций субъектности. На основании проведённого анализа предлагается рассматривать фиктивных субъектов права как особую категорию субъектов, существование которых обусловлено нормативным признанием и функциональными потребностями правовой системы. Выделяются признаки фиктивного субъекта права, включая нормативную производность, отсутствие самостоятельной социальной основы и существование преимущественно в рамках юридической, а не фактической реальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Костин И.А. Фиктивные субъекты права как результат нормативного конструирования: историко-теоретический анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 92-102. DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066

Ключевые слова

Правовая фикция, субъект права, фиктивный субъект права, юридическое лицо, *persona ficta*, правосубъектность, теория фикции, теория реальности, нормативное конструирование, юридическая личность.

Введение

Вопрос о субъекте права традиционно занимает центральное место в юридической теории, поскольку именно через категорию правосубъектности определяется круг участников правоотношений и пределы их участия в правовом регулировании. В рамках классической правовой доктрины субъект права связывался преимущественно с физическим лицом — человеком, обладающим сознанием, волей и способностью самостоятельно нести юридическую ответственность [Алексеев, 1972, с. 112–118]. Подобное понимание основывалось на антропоцентрическом представлении о праве как системе, производной от природы человека и структуры межличностных отношений. Однако развитие имущественного оборота, усложнение общественных связей и необходимость юридического оформления коллективных интересов постепенно выявили ограниченность такого подхода [Коструба, 2020, с. 41–47].

Одним из ключевых средств преодоления указанных ограничений стала правовая фикция. В современной теории права под правовой фикцией обычно понимается сознательно создаваемая юридическая конструкция, допускающая несовпадение между фактическим и юридическим состоянием, но признаваемая правопорядком в силу её регулятивной целесообразности [Савиньи, 2011, с. 35–41].

Посредством правовых фикций правопорядок способен преодолевать противоречие между устойчивостью нормативных конструкций и изменяющимися потребностями общественных отношений без кардинального пересмотра действующего законодательства. В этом смысле фикция выступает одним из инструментов адаптации правового регулирования, позволяющим сохранять преемственность правовой системы и одновременно обеспечивать её функциональную гибкость.

Историческое развитие права показывает, что значение фикций не ограничивается рамками юридической техники. Постепенно они стали использоваться не только для корректировки отдельных правовых состояний, но и для обоснования существования новых субъектов права [Танимов, 2016, с. 58–63]. Истоки данного подхода прослеживаются уже в римском праве, где фикции применялись для искусственного изменения юридического статуса лица, в частности посредством *fictio legis Corneliae* — конструкции, позволявшей считать римского гражданина умершим в момент нахождения на свободе, даже если фактически смерть наступила в плену, что обеспечивало сохранение юридической силы его завещания [Покровский, 1917, с. 198–204]. Дальнейшее развитие соответствующие идеи получили в средневековой канонической доктрине. Именно канонисты, включая Синибальдо Фиески, сформулировали концепцию *persona ficta*, согласно которой корпорация рассматривалась как особое юридически признанное образование, способное выступать самостоятельным носителем прав и обязанностей независимо от входящих в неё лиц [Резиньков, 2011, с. 102–110]. Впоследствии данная проблематика получила развитие в цивилистической науке XIX века, прежде всего в рамках дискуссии между сторонниками теории фикции юридического лица, представленной Ф. К. фон Савиньи, и представителями теории реальности, наиболее последовательно разработанной О. фон Гирке [Радбрух, 2004, с. 132–140; Гирке, 1911, с. 201–214].

Современное развитие юридической доктрины и правоприменительной практики свидетельствует о том, что классическое противопоставление теории фикции и теории реальности юридического лица постепенно утрачивает прежний объяснительный потенциал. Развитие цифровых технологий и усложнение форм социального взаимодействия приводят к появлению новых моделей правосубъектности, которые затруднительно объяснить в рамках

традиционных концепций [Полдников, 2025, с. 243–251].

В этих условиях возрастает значение правовой фикции как средства нормативного признания субъектов, не обладающих признаками, исторически связывавшимися с юридической личностью. Это требует переосмысления роли фикции в механизме правового регулирования и позволяет рассматривать её не только как прием юридической техники, но и как самостоятельный способ конструирования особых форм правосубъектности.

Цель настоящего исследования состоит в проведении историко-теоретического анализа эволюции правовой фикции и обосновании положения о том, что в условиях усложнения правопорядка фикция приобретает значение одного из ключевых механизмов формирования новых субъектов права.

Правовая фикция в римском праве

Римское частное право традиционно рассматривается как историческая основа формирования правовой фикции в качестве самостоятельного юридического инструмента [Полдников, 2025, с. 52–58]. Возникновение и развитие фикций в римском праве было обусловлено особенностями самого римского правопорядка, включая его формализм, сакральный характер и устойчивую приверженность предписаниям *ius civile* — древнейшего римского гражданского права, распространявшегося исключительно на римских граждан [Дормидонтов, 1896, с. 74–79].

На ранних этапах развития римская правовая система ориентировалась преимущественно на квиритских граждан (*cives Romani*), что существенно ограничивало возможности правового регулирования в условиях территориального расширения Рима и усложнения хозяйственных отношений [Покровский, 1917, с. 101–107]. Развитие торговли, увеличение числа имущественных связей и вовлечение peregrini — свободных жителей Римского государства, не обладавших статусом римского гражданина, — в экономический оборот потребовали выработки более гибких правовых средств, способных компенсировать консерватизм гражданского права.

Решение данной задачи во многом было связано с развитием преторской юрисдикции и формированием системы *ius honorarium*. Одним из важнейших инструментов преторской практики стала *fiction iuris* — юридическая конструкция, позволявшая условно признавать существование либо отсутствие определенных обстоятельств без формального изменения содержания закона [Покровский, 1917, с. 198–204]. Благодаря этому претор получал возможность адаптировать правовое регулирование к изменяющимся общественным отношениям, сохраняя при этом внешнюю устойчивость традиционного правопорядка.

Содержание данной конструкции заключалось в предписании судье (*iudex*) рассматривать спорное правоотношение исходя из предположения о существовании юридического факта, который в действительности отсутствовал. Использование в преторской формуле оборота *as si* («как если бы») позволяло смягчать жесткость *ius civile* и разрешать конкретный спор с учетом требований справедливости (*aequitas*) [Дормидонтов, 1896, с. 118–121].

Вместе с тем римская правовая фикция имела принципиальные пределы применения. Она не использовалась для создания новых субъектов права, а служила средством условного изменения отдельных элементов правового статуса уже существующего лица [Резиньков, 2011, с. 93–97]. Иными словами, объектом фикции выступало не само лицо, а его юридическое положение либо отдельные юридически значимые признаки.

Характерным примером является предоставление peregrinus fictionis квинтитского гражданства. Распространение на иностранца отдельных элементов правового режима *civis Romanus* открывало ему доступ к гражданским искам (*actiones*) и предусмотренным правом средствам защиты, не затрагивая при этом основ гражданского правопорядка [Покровский, 1917, с. 214–217].

Сходную функцию выполнял институт *postliminium*, связанный с действием *fictionis legis Corneliae*. Римский гражданин, возвратившийся из плена, рассматривался как лицо, не утратившее своего прежнего правового статуса. Если же гражданин умирал в плену, фикция предполагала, что смерть наступила в момент нахождения его на свободе, что позволяло сохранить силу составленного им завещания. В данном случае отступление от фактических обстоятельств выступало способом защиты имущественных интересов и обеспечения устойчивости гражданского оборота [Покровский, 1917, с. 223–227].

Подводя итог анализу римского правопорядка, следует отметить, что *fictionis iuris* впервые продемонстрировала способность права формировать юридические конструкции, не совпадающие с фактической действительностью. Вместе с тем в римском праве фикция использовалась преимущественно как средство изменения или корректировки правового статуса уже существующего лица. Она еще не выступала механизмом создания самостоятельных искусственных субъектов права, обладающих собственной юридической личностью.

Средневековая доктрина *persona ficta*

Существенное изменение роли правовой фикции произошло в средневековой юридической мысли, развивавшейся в рамках канонического права и университетской доктрины глоссаторов и постглоссаторов. В отличие от римской традиции, где фикция использовалась преимущественно для изменения отдельных элементов правового статуса физического лица, средневековая юриспруденция постепенно стала рассматривать её как средство обоснования самостоятельного существования коллективных субъектов права [Резиньков, 2011, с. 102–110].

Такое развитие было связано с изменениями в социальной и экономической организации европейского общества. В период позднего Средневековья широкое распространение получили устойчивые коллективные образования — монастырские ордена, университеты, городские коммуны, ремесленные объединения и иные корпорации. Обладая имущественной обособленностью, данные союзы участвовали в имущественном обороте, вступали в договорные отношения и могли выступать участниками судебного процесса [Коструба, 2020, с. 58–64].

Вместе с тем традиционная антропоцентрическая модель субъекта права оказалась недостаточной для объяснения правовой природы подобных образований. Корпорация не сводилась к простой совокупности составлявших её лиц, поскольку сохраняла организационное и имущественное единство независимо от изменения персонального состава. В этих условиях возникла необходимость в разработке теоретической конструкции, способной объяснить самостоятельное участие коллективных образований в правовой жизни.

Доктринальным основанием для решения данной проблемы стала концепция *persona ficta*, сформировавшаяся в каноническом праве. Ее возникновение традиционно связывается с трудами Папы Иннокентия IV (Синибальдо Фиески), который рассматривал корпорацию как самостоятельное абстрактное образование (*corpus abstractum*), существующее благодаря

юридическому признанию [Резиньков, 2011, с. 118–123]. Согласно данной конструкции, корпорация не обладает физическими и психическими свойствами, присущими человеку, однако признается самостоятельным носителем прав и обязанностей.

Тем самым правосубъектность коллективного образования переставала напрямую зависеть от свойств входящих в него лиц и основывалась прежде всего на юридическом признании со стороны правопорядка. В отличие от римской *fictionis iuris*, служившей средством изменения отдельных элементов правового статуса, средневековая конструкция *persona ficta* позволила обосновать существование самостоятельного коллективного субъекта права [Савиньи, 2011, с. 142–149].

Именно на этом этапе произошло существенное изменение функций правовой фикции. Если в римском праве фикция применялась преимущественно для условного изменения юридических фактов, то средневековая каноническая доктрина распространила её на саму конструкцию субъекта права. Это означало переход от корректировки отдельных элементов правоспособности к признанию искусственно созданного субъекта в качестве самостоятельного участника правоотношений [Коструба, 2020, с. 91–97].

Практическое значение данной конструкции проявилось прежде всего в обеспечении устойчивости гражданского оборота. Признание корпорации самостоятельным субъектом права обеспечило устойчивость имущественных отношений и независимость существования объединения от изменения состава его участников. Благодаря этому стало возможным разграничение имущества корпорации и имущества отдельных членов союза, что создало необходимые условия для стабильности имущественного оборота и развития корпоративных форм организации [Шершеневич, 2024, с. 312–318].

Таким образом, средневековая теория *persona ficta* обозначила переход от понимания фикции как средства изменения отдельных юридических фактов к её использованию для обоснования самостоятельного существования коллективных субъектов права. Именно каноническая доктрина создала теоретические предпосылки для дальнейшего развития конструкций искусственной правосубъектности и постепенного отхода от исключительно антропоцентрического понимания субъекта права.

Теория фикции и теория реальности юридического лица

В юридической науке XIX века проблема правовой природы юридического лица стала предметом одной из ключевых теоретических дискуссий, сформировавшейся вокруг теории фикции и теории реальности [Радбрух, 2004, с. 132–140; Гирке, 1911, с. 201–214]. Данная полемика имела значение не только для цивилистики, но и для более широкого понимания природы субъекта права, поскольку отражала различие между формально-юридическим и социологическим подходами к объяснению правовой действительности.

Наиболее последовательное выражение теория фикции получила в трудах Ф. К. фон Савиньи — представителя исторической школы права. В основу своей концепции Савиньи положил положение о том, что подлинным носителем прав и обязанностей может быть только физическое лицо, обладающее сознанием и волей [Радбрух, 2004, с. 145–149]. Исходя из этого юридическое лицо рассматривалось как искусственная правовая конструкция, существующая исключительно благодаря признанию со стороны правопорядка.

Савиньи подчеркивал, что юридическое лицо не обладает самостоятельной фактической природой и существует лишь как юридическое допущение. Его правосубъектность имеет

производный характер, поскольку право условно наделяет коллективное образование свойствами субъекта [Радбрух, 2004, с. 151–154]. В этом смысле фикция выступала необходимым средством юридической техники, позволявшим включать коллективные формы деятельности в систему частноправового регулирования [Савиньи, 2011, с. 74–79].

Однако теория фикции сталкивалась с рядом серьезных теоретических затруднений. Она не позволяла в полной мере объяснить устойчивость коллективных образований и их способность участвовать в правовых отношениях в качестве самостоятельных субъектов [Коструба, 2020, с. 101–108]. В результате юридическое лицо одновременно признавалось субъектом права и рассматривалось как конструкция, лишенная собственной социальной основы.

В качестве альтернативы получили развитие теории реальности юридического лица. Одним из наиболее влиятельных направлений стала теория интереса Р. фон Иеринга. В отличие от Савиньи, Иеринг связывал правосубъектность не с наличием воли, а с существованием интереса, подлежащего правовой защите [Иеринг, 1875, с. 93–99]. Исходя из этого субъектом права может выступать любое образование, интересы которого признаются и охраняются правом. Юридическое лицо в данной концепции рассматривается не как фикция, а как форма организации коллективных интересов, имеющая самостоятельное социальное значение [Иеринг, 1875, с. 118–123]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в органической теории О. фон Гирке, который рассматривал юридическое лицо как реально существующее социальное образование, обладающее внутренней организацией и способностью формировать коллективную волю [Гирке, 1911, с. 226–233]. Такая воля, по мнению Гирке, не сводится к простой совокупности индивидуальных волеизъявлений участников, а возникает в процессе функционирования самой корпорации.

Согласно органической теории О. фон Гирке, право не создает субъект права, а лишь признает уже существующее социальное образование. Тем самым теория реальности противопоставляется концепции фикции Савиньи, предлагая более социологическое понимание природы правосубъектности.

Вместе с тем ни теория фикции, ни теория реальности не позволяют в полной мере объяснить все существующие формы правовой субъектности. Первая сохраняет привязку к антропоцентрическому пониманию субъекта, тогда как вторая исходит из необходимости наличия самостоятельной социальной основы [Коструба, 2020, с. 214–220]. Это создает предпосылки для дальнейшего развития теории правосубъектности и постановки вопроса о возможности существования особой категории фиктивных субъектов права.

Пределы классических концепций и переосмысление роли правовой фикции

Проведенный анализ теории фикции и теории реальности юридического лица показывает, что ни одна из данных концепций не обладает универсальным объяснительным потенциалом. Ограниченность указанных подходов связана как с историческими условиями их формирования, так и с исходными представлениями о природе правосубъектности [Коструба, 2020, с. 214–220].

Теория фикции Ф. К. фон Савиньи основывается на антропоцентрическом понимании субъекта права, при котором правосубъектность непосредственно связывается с наличием человеческой воли [Радбрух, 2004, с. 145–149]. Однако такой подход оказывается недостаточным для объяснения случаев, когда субъектами права признаются образования, не

обладающие психической природой и способностью к самостоятельному волеизъявлению. В современной юридической литературе обращается внимание на то, что сведение правосубъектности исключительно к волевому критерию существенно ограничивает круг возможных участников правоотношений [Радбрух, 2004, с. 126–129].

Теория реальности, напротив, стремится преодолеть данные ограничения посредством обращения к социальной природе юридического лица. В работах Р. фон Иеринга и О. фон Гирке правосубъектность связывается с наличием интереса либо коллективной воли, формирующейся в рамках устойчивого социального образования [Иеринг, 1875, с. 93–99; Гирке, 1911, с. 226–233]. Вместе с тем и данный подход имеет определённые пределы. Его основная сложность заключается в привязке субъектности к существованию социальной основы, что затрудняет объяснение правового статуса конструкций, не обладающих устойчивой организационной структурой [Коструба, 2020, с. 228–233].

Современное развитие правовой системы свидетельствует о появлении таких форм субъектности, которые не могут быть в полной мере объяснены ни через антропоцентрическую модель Савиньи, ни через социологическую концепцию Гирке [Полдников, 2025, с. 243–251]. Речь идет о юридических конструкциях, правосубъектность которых определяется не наличием индивидуальной воли или устойчивой социальной организации, а прежде всего нормативным признанием со стороны правопорядка.

В связи с этим возникает необходимость переосмысления роли правовой фикции в механизме правового регулирования. Если традиционно фикция рассматривалась главным образом как вспомогательный прием юридической техники, то в современных условиях она все чаще используется для обоснования существования новых юридических конструкций, по мнению Танимова О.В. В данном случае фикция выполняет не только корректирующую, но и конструктивную функцию, обеспечивая возможность признания субъектов, не обладающих признаками, традиционно связывавшимися с юридической личностью.

Таким образом, правовая фикция начинает выступать не только средством условного изменения юридических фактов, но и способом нормативного закрепления новых форм правосубъектности. Это позволяет рассматривать её как один из механизмов формирования юридических конструкций, существование которых определяется прежде всего самим правопорядком [Кельзен, 2015, с. 96–103].

Переосмысление роли правовой фикции позволяет поставить вопрос о выделении особой категории субъектов — фиктивных субъектов права. Их существование затруднительно объяснить в рамках классических теорий юридического лица, поскольку подобные конструкции не обладают признаками естественной личности и не всегда основываются на существовании устойчивого социального образования, как отмечал Коструба А.В. [Коструба, 2020, с. 241–247].

Фиктивный субъект права может быть определен как субъект, правосубъектность которого возникает исключительно в силу нормативного признания и не имеет самостоятельного биологического либо социального основания [Савиньи, 2011, с. 188–193]. В данном случае субъект существует прежде всего как юридическая конструкция, создаваемая правопорядком для достижения определенных регулятивных целей. Такой подход соответствует современным тенденциям теории права, в рамках которых подчеркивается способность правовой системы формировать собственные объекты регулирования [Кельзен, 2015, с. 112–119].

Одним из основных признаков фиктивного субъекта выступает нормативная производность его правосубъектности. В отличие от физического лица, субъектность которого связывается с фактом рождения, фиктивный субъект возникает исключительно вследствие юридического признания [Алексеев, 1972, с. 145–149]. В теории права подобные конструкции нередко

рассматриваются как результат самостоятельного правового установления, не имеющего прямого аналога в социальной или биологической реальности.

Вторым признаком фиктивного субъекта права выступает отсутствие самостоятельной социальной основы. Для его существования не требуется наличие устойчивой организационной структуры, коллективной воли или единства интересов [Коструба, 2020, с. 252–256]. Правосубъектность подобной конструкции определяется прежде всего потребностями правового регулирования, а не фактом существования конкретного социального образования.

Третьим признаком является отсутствие собственной воли в психологическом или социальном смысле. Реализация прав и обязанностей такого субъекта осуществляется через представителей, специальные процедуры либо иные юридические механизмы [Шершеневич, 2024, с. 214–220]. В этом отношении фиктивный субъект отличается как от физического лица, так и от традиционного юридического лица, основанного на коллективной организации.

Четвертым признаком выступает функциональная обусловленность. Фиктивный субъект создается для решения конкретных задач правового регулирования, включая обеспечение устойчивости гражданского оборота, распределение юридической ответственности и упрощение отдельных правовых конструкций [Танимов, 2016, с. 201–206]. Его существование носит инструментальный характер и определяется целями правопорядка.

Пятым признаком является специальный характер правоспособности. В отличие от общей правоспособности физического лица и более широкой правоспособности юридического лица, фиктивный субъект наделяется ограниченным и заранее определенным объемом прав и обязанностей, установленным правовой нормой [Алексеев, 1972, с. 173–178].

Наконец, шестым признаком фиктивного субъекта права выступает несовпадение его юридического и фактического существования. Такой субъект может признаваться участником правоотношений независимо от наличия самостоятельного фактического носителя [Алексеев, 1972, с. 72–77]. Его правосубъектность существует прежде всего в рамках правовой системы и определяется нормативным признанием со стороны правопорядка.

Совокупность указанных признаков позволяет рассматривать фиктивный субъект права как самостоятельную юридическую конструкцию. В данном случае правовая фикция выступает не как простое отступление от фактической действительности, а как средство нормативного закрепления особых форм правосубъектности. Такой подход соответствует современным направлениям теории права, допускающим активную роль правопорядка в формировании юридических конструкций и моделей правового регулирования [Алексеев, 1972, с. 118–124].

Заключение

Проведённый историко-теоретический анализ показывает, что правовая фикция последовательно расширяла свои функции в процессе развития правопорядка. Если в римском праве она использовалась преимущественно для условного изменения отдельных элементов правового статуса, то в средневековой и последующей юридической доктрине фикция стала применяться для обоснования самостоятельного существования коллективных и иных искусственно сконструированных субъектов права.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что классические теории фикции и реальности юридического лица обладают ограниченным объяснительным потенциалом применительно к современным формам правосубъектности. Развитие правового регулирования приводит к появлению конструкций, существование которых определяется прежде всего нормативным признанием, а не биологической природой человека или наличием устойчивой социальной

организации.

В этой связи представляется возможным выделение фиктивных субъектов права как особой категории субъектов, характеризующихся нормативной производностью, отсутствием самостоятельной социальной основы, функциональной обусловленностью и несовпадением фактического и юридического существования. Использование данной категории позволяет более последовательно объяснить отдельные современные формы правосубъектности и расширяет возможности теоретического анализа процессов нормативного конструирования в праве.

Библиография

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. 396 с.
2. Гирке О. Немецкое частное право. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 438 с.
3. Дормидонтов Г.Ф. Система римского права. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1896. 312 с.
4. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова, 1875. 321 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
6. Коструба А.В. Юридическое лицо: теория и практика правового конструирования. Москва: Статут, 2020. 368 с.
7. Покровский И.А. История римского права. Петроград: Изд. юрид. книжного склада «Право», 1917. 430 с.
8. Полдников Д.Ю. Человекосоразмерность права как основа догматической трактовки юридического лица // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 2. С. 238–261.
9. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Москва: Международные отношения, 2004. 240 с.
10. Резиньков П.М. Юридические фикции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2011. 198 с.
11. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Москва: Статут, 2011. Т. 2. 510 с.
12. Танимов О.В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 35–48.
13. Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. Москва: Проспект, 2016. 224 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т. Москва: Юрайт, 2024. Т. 1. 315 с. (Антология мысли).
15. Шуваев Е.А. Интересы и воля через призму теорий о юридическом лице // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 121–133.

Fictitious Legal Subjects as a Result of Normative Construction: A Historical-Theoretical Analysis

Il'ya A. Kostin

Postgraduate Student,
Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute",
199106, 3, Gavanskaya ulitsa, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kostin_ia@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to a historical-theoretical analysis of legal fiction as a method of forming subjectivity in law. The objective of the study is to identify the transformation of the functions of legal fiction and to determine its significance in the modern legal order. It is substantiated that legal fiction acts not only as a technique of legal drafting, but also as a means of normative construction

Kostin I.A.

of legal subjects. The methodological basis of the study was formed by the historical-legal, formal-legal, and comparative-legal methods, which made it possible to trace the development of ideas about the legal subject in various historical periods. The article examines the Roman construction of *fictio iuris*, the medieval doctrine of *persona ficta*, as well as the main approaches to understanding the legal entity formulated by F.K. von Savigny, R. von Jhering, and O. von Gierke. It is concluded that the development of legal fiction was accompanied by a transition from changing the legal status of a person to the creation of independent normative constructions of subjectivity. Based on the conducted analysis, it is proposed to consider fictitious legal subjects as a special category of subjects whose existence is conditioned by normative recognition and the functional needs of the legal system. The attributes of a fictitious legal subject are identified, including normative derivation, the absence of an independent social basis, and existence predominantly within the framework of legal rather than factual reality.

For citation

Kostin I.A. (2026) Fiktivnye sub'ekty prava kak rezultat normativnogo konstruirovaniya: istoriko-teoreticheskiy analiz [Fictitious Legal Subjects as a Result of Normative Construction: A Historical-Theoretical Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 92-102. DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066

Keywords

Legal fiction, legal subject, fictitious legal subject, legal entity, *persona ficta*, legal personality, fiction theory, reality theory, normative construction, legal personality.

References

1. Alekseev, S.S. (1972). *Problemy teorii prava: kurs lektsiy: v 2 t. T. 1* [Problems of the theory of law: a course of lectures: in 2 vols. Vol. 1]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publ.
2. Dormidontov, G.F. (1896). *Sistema rimskogo prava* [The system of Roman law]. Kazan: Imperial University Typolithography.
3. Gierke, O. (1911). *Nemetskoe chastnoe pravo. T. 1* [German private law. Vol. 1]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Typography.
4. Jhering, R. von (1875). *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at the various stages of its development. Part 1]. St. Petersburg: V. Bezobrazov Typography.
5. Kelsen, H. (2015). *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law] (M.V. Antonov, S.V. Lyozov, Trans.). St. Petersburg: Alef-Press.
6. Kostruba, A.V. (2020). *Yuridicheskoe litso: teoriya i praktika pravovogo konstruirovaniya* [Legal entity: theory and practice of legal construction]. Moscow: Statut.
7. Pokrovsky, I.A. (1917). *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Petrograd: "Pravo" Legal Book Warehouse Publ.
8. Poldnikov, D.Yu. (2025). Chelovekosorazmernost' prava kak osnova dogmaticheskoy traktovki yuridicheskogo litsa [Human-proportionality of law as a basis for the dogmatic interpretation of a legal entity]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 9(2), 238–261.
9. Radbruch, G. (2004). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
10. Rezinkov, P.M. (2011). *Yuridicheskie fiksii v rossiyskom prave* [Legal fictions in Russian law] (Candidate of Law dissertation). Moscow.
11. Savigny, F.C. von (2011). *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 2* [System of modern Roman law: in 8 vols. Vol. 2]. Moscow: Statut.
12. Shershenevich, G.F. (2024). *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1* [General theory of law: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Yurayt.
13. Shuvaev, E.A. (2022). Interesy i volya cherez prizmu teorii o yuridicheskoy litse [Interests and will through the prism of theories on the legal entity]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 12(6A), 121–133.
14. Tanimov, O.V. (2016). *Teoriya yuridicheskikh fiktsiy: monografiya* [Theory of legal fictions: monograph] (T.V.

Kashanina, Ed.). Moscow: Prospekt.

15. Tanimov, O.V. (2022). O nauchnoy razrabotke ponyatiya “yuridicheskaya fiktsiya” [On the scientific development of the concept of “legal fiction”]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, (3(25)), 35–48.